

Мечтам и годам нет возврата

Русский Телеграф. — 1998. — 9 апр. — с. 9
Единственная гастроль Сергея Лейферкуса в Санкт-Петербурге

Никакой дополнительной рекламы не потребовалось для того, чтобы в день, когда Большой театр давал в Мариинском театре любимую публикой «Аиду», зал Театра оперы и балета имени Мусоргского — бывший Малый оперный заполнился до отказа по случаю единственной гастрولي Сергея Лейферкуса. Певец принял приглашение режиссера Станислава Гадасинского в связи с восьмидесятилетием театра, пышно отпразднованным в марте. Один из ведущих баритонов мира пел на этих подмостках в 1972—1978 годах, после нескольких лет работы в Театре музыкальной комедии и до перехода в труппу Кировского театра по приглашению Юрия Темирканова. Лейферкус вспоминает, что в первые годы службы в Малом оперном его в насмешку называли «камерным певцом», настолько невелик тогда был у него голос. В это трудно поверить, слушая певца (с которым любили и любят работать такие корифеи, как Георг Шолти, Николаус Арнонкур и Клаудио Аббадо), например, в Орега Bastille в роли вердиевского Набукко: всем нутром чувствуешь, как мощный баритон вавилонского владыки доходит до костного мозга каждого зрителя.

В Петербурге Лейферкус спел одну из своих коронных партий, в которой он блистал в союзе с Темиркановым, — Евгения Онегина. Певец вошел в спектакль 80-х годов, оформленный изощренным мастером метафоры Семеном Пастухом. Белые тюли, испещренные строчками, отдельными словами, ри-

сунками Пушкина, — единственное украшение сцены; они служат одновременно и белыми березами с их характерным крапом, и белыми ампирами интерьерами с комментарием поэта; они к тому же намекают нам на белотюниковые балеты с их «другой реаль-

ЕВГЕНИЙ БУРИНСТОВ

Сергей Лейферкус и на вершине мировой славы не забыл о сцене петербургского Малого оперного, на которой когда-то добился своих первых успехов

ностью». Даже сегодня, когда тюль как театральный материал потерял актуальность, образный строй внешней части спектакля убеждает.

В этот мир бело-кисейных грез Онегин Лейферкуса дважды входил разрушительным пришельцем. В затхловатое имение Лариных, хранилище русской старины, вторгался

аристократ вокала, кусок мифа Петербурга — он разрушал оперно-пейзанскую идиллию, топчась чувством решительной Татьяны и убивая юного Ленского. В петербургский («тремисский») бал Онегин Лейферкуса опять приходил извне — на сей раз Мельмотом-скитальцем, звездой Старого и Нового Света, — и опять он рушил картонный домик налаженного мира оперного представления. Не хочу сказать ничего дурного о певцах Театра имени Мусоргского, но класс Лейферкуса, певца звездного не именем, но делом, не по табели о рангах, но по отношению к «искусству в себе», настолько превосходил окружающее, что участникам спектакля приходилось туго. Особенно потел дирижер Александр Аниханов, ощущая всю невозможность вырваться за рамки самой горестной рутины.

Настоящий диалог возник отнюдь не с Татьяной (Елене Борисевич не хватило вокальных красок и, главное, духовной наполненности для того, чтобы приблизиться к этой парадигматической фигуре русской оперы), а с Ленским — молодым Константином Котельниковым, музыкальным, нервным и хрупким, которому было очень страшно выступать рядом с таким убийственно мастеровитым Онегиным. Перисто-легкий, чуткий к душевным движениям голос Котельникова явно не выбирал своего максимума, но между ним и Лейферкусом возникла переключка смыслов. Лейферкус был в ансамблях как-то особенно пластичен, а сольные куски пел, как всегда, при-

стально вглядываясь в сердцевину образа. Отточенно сверкнули реплики ларинского бала. Тронул момент, когда вспыхивает чувство к Татьяне, — одно слово, одно движение руки. Но с точки зрения человеческой, может быть, кульминацией вечера стал дуэт-канон Онегина и Ленского перед дуэлью, когда голоса касались друг друга в любви-ненависти. Хотелось верить в то, что звездный соперник не убивает тенора, а дает ему «путевку в жизнь», как любили говорить раньше.

«Мечтам и годам нет возврата», — пел своим мягким, элегантным, облегающим музыку и слово (как лайковая перчатка — руку) голосом Онегин Сергей Лейферкус. Но в его голосе не было печали и тем более хандры — стоит ли возвращаться к тем годам, когда мировая слава еще даже не мерещилась, или к мечтам, которые полностью осуществились? Триумф Лейферкуса после спектакля шумел и длился, а денди было пора возвращаться в Зальцбург; на Пасхальный фестиваль, к чудным звучаниям Берлинского филармонического оркестра под управлением Аббадо, чтобы заняться кознями польского иезуита Рангони в «Борисе Годунове». И тем не менее звездный гастролер нашел время и для красивого театрального жеста — на тех подмостках, где к нему пришли первые оперные успехи, он встал на колени и передал спене свой воздушный благодарственный поцелуй.

АЛЕКСЕЙ ПАРИН

Лейферкус Сергей

09.04.98